

ЛИТЕРАТУРНАЯ СТРАНИЦА

★ ★ ★

ГОРДИМСЯ ТВОЕЙ

(Песня)

Над уральскими скалистыми горами
Разливается звон песни боевой.
Металлург, строитель с горняками
Проплавают город свой родной.
Припев: Город молодой.
Вид прекрасен твой.
Гордимся тобой,
Магнитогорск родной.
Здесь учились мы, росли, в труде мужали,
Дружно трудимся в своей семье большой.

Здесь победы радость мы узнали
И идем за партией родной.
Припев:
Мы делами твою славу закрепляем.
Не жалею сил для мирного труда,
И на стройки дни и ночи отправляем
Своего металла поезда.

В. ЗАКОНДАЕВ,
подручный разлищика второго
мартеновского цеха.

Медсестра

Пусть под ливнем вражеских пуль,
Под снарядным скрежетом и звон,
Ты к воронке, похожей на нуль,
Не ползла на протяжный стон.
Пусть читала про это по книжкам,
В сердце зависть к подругам тая,
Что от них отличается слишком
Трудовая дорога твоя.

Но и здесь в заводской больнице,
Где бываешь всегда с утра,
Есть того ж героизма частица,
Ты не просто для всех медсестра.
Не грусти и другим не завидуй,
Что героизмом блеснуть не смогла.
Знай: дела незаметные с виду,
Порождают большие дела!

Г. АХМЕТШИН,
студент МГМИ.

ОБМЕН ОПЫТОМ

(Рассказ)

Большой зал Дворца культуры металлургов был переполнен учащимися школ трудовых резервов. Они собрались на вечер встречи со знаменитыми людьми завода — мастерами производства.

Петр Круглов сидел в президиуме и нервно теребил красный бархат скатерти, опустив руки под стол: ему предстояло выступить, поделиться опытом.

Он давно и тщательно готовился к этому выступлению — конспектировал, заучивал наизусть — и все же волновался. Давно ли он окончил ремесленное училище? И вот, после шести лет работы — знатный мастер!

Как объяснить такой рост? Чем?

Конечно, — методы труда и все такое, что записано в конспекте... Но ими надо было овладеть, а для этого требовалось желание учиться. Вот в чем дело!

А как объяснить это желание?

Эти мысли взволновали Круглова, как только он занял место в президиуме и увидел перед собой сотни юношей и девушек.

— Вот они сидят в замечательной парадной форме, — думал он, — занимаются в хорошо оборудованных кабинетах, в мастерских, оснащенных новейшей техникой. Они отдыхают в теплых и уютных комнатах. Для их удобства — все это под одной крышей.

Взгляд его оторвался от сидящих в зале, скользнул поверх их, как бы уходя далеко-далеко в прошлое. И, пока говорил докладчик, перед ним вставали другие картины, картины его юности.

... Вот он, пятнадцатилетний паренек, с вещевым мешком за плечами шагает рядом с матерью по родной Смоленщине...

Фашистские орды, напавшие на нашу страну, убили отца, разорили колхоз, где родился и рос. И он, единственный сын у матери, оставляет ее, чтобы

стать металлургом прославленного Урала.

— Учись, сынок, — говорит ему мать, крепко обняв на прощанье. — Будь опорой и мне и Родине.

Он ничего не ответил ей тогда, но крепко запомнил эти слова.

Потом — в Магнитке...

В то время война и здесь оставила свой отпечаток. Учащиеся ремесленных училищ не похожи на тех, что сидят сейчас в зале. Он вспоминает себя ремесленником в брезентовой куртке и в таких же брюках, спешащим в столовую, чтоб получить свою пайку хлеба и жидкого супа. Спешит потому, что надо вовремя успеть на теоретические занятия, а в училище далеко.

Спустя четыре часа, бежит на завод, на практику, а к вечеру плетется на отдых, в сырой холодный барак общежития. Но он успевает. Устает, но не опаздывает.

Круглов мысленно окидывает свой трудовой путь...

... Россыпь аплодисментов вернула Круглова к действительности: доклад окончен.

— Слово имеет... — и Круглов, услышав свою фамилию, торопливо встал и поднялся на трибуну.

— Я тоже был учеником ремесленного училища, — начал он, выждав пока смолкнут аплодисменты. — Сейчас я пишу тридцать восьмой размер ботинок, а когда поступил в училище, мне выдали сорок второй. И я был рад. Очень рад, потому, что до этого ходил в деревнях.

Круглов заговорил о том, что пронеслось в его воспоминании. Он рассказывал о своей жизни и работе, не заглядывая в конспект, который так и лежал на трибуне, не открытым. А когда тишину зала нарушил гром аплодисментов, спокойно сошел с трибуны. Он сказал то, что было надо.

С. ЯЛОВЕЦКИЙ,
весовщик внутризаводского транспорта.

Уснули далеко за полночь. Да и могло ли быть иначе, если от последней встречи минуло двадцать лет, столь богатых делами и событиями.

Говорили обо всем. Вспоминали старых друзей. Называли и новые имена — растет семья прокатчиков, старательные хлопцы идут на смену.

Философствовали о могучем беге времени, стирающем старое и водворяющем новое... К философским мыслям склоняла и рябиновая хозяйка — Семена Строгова, и слиянка, привезенная гостем Иваном Петренко.

За беседой незаметно пролетел вечер, ужин и, даже лежа в кроватях, друзья то и дело произносили:

— Помнишь, как Орджоникидзе приезжал?...

— А суботники помнишь?...

— Вот у нас в Магнитогорске...

— А Запорожья ты бы не узнал...

Проснулись рано: за много трудовых лет вошло это в привычку. Позавтракали неторопливо и пошли к трамвайной остановке.

Утренний вид нового города порадовал Ивана Петренко. Дома светлые, чистые, улицы веселые. И люди живут неплохо. По всему видно. По индивидуальным домикам, огородам, садикам, по веселому говору в трамвайной сутолоке.

На стানে застали в сборе всю школу прокатчиков — посланцев разных заводов страны. Здесь Степан Петрович Строгов сегодня должен о своем опыте рассказать. А Иван Михайлович Петренко, как слушатель школы, заготовил ему уже немало вопросов. Потому что и он в семье прокатчиков не обсеков в поле.

Во многих вопросах мнения друзей расходились так резко, что казалось вот-вот сцепятся они в споре, как в дальние годы своей комсомольской юности у начала трудового пути. Но дружбе это не мешало. Наоборот, по окончании смены вышли они из цеха еще более близкими. Все слушатели школы

ДРУЗЬЯ

(Рассказ)

сгрудились, собираясь к проходной. Подошли и юноши в синих спецовках.

— Китайцы, — мысленно определил Петренко. Немало таких проходили практику и в Запорожье. Они прислушивались к беседе, спрашивали, переводчик едва успевал переводить вопросы и ответы.

Вдруг сквозь толпу, энергично работая локтями, пробился подросток. Со свойственной детям простого народа любознательностью и дружелюбием он подбежал к Петренко, длинные седые усы которого выделяли его среди окружающих.

— Привет! Друг! Здоров, папаша! — воскликнул он, старательно произнося каждое слово.

— Здоров, коли не шутишь, — радушно ответил Петренко, сжимая в широкой мягкой ладони хрупкую руку подростка.

По рядам сверстников прошел одобрительный гомон — шустрый Чен давно слыл среди них знатоком русского языка. А Чен, пошевелив губами, напуганно вспоминая, выпалил новую «русскую» фразу:

— Чан Кай-ши — шпана!

И за неимением слов для дальнейшего развития мысли сделал жест рукой, будто хватая «шпану» за шиворот и энергично поддал коленом. Прокатчики засмеялись.

— Шпана и сукин сын, — неожиданно, поддавшись общему настроению, воскликнул Петренко, не подозревая, что еще немного обогатил словарный запас любознательного Чена.

— Иван Михалыч? Здравствуй! — послышался радостный клич.

Петренко оглянулся, радостное удивление озарило лицо.

— Ваня! Шитов! И ты, брат, здесь? Здравствуй! Вот, значит, ты где на вахте. А я тебя вспоминал. Да я ли один? Ого! Вся бригада привет тебе шлет.

Удивленным прокатчикам Петренко объяснил, что этот Ваня проходил практику в его бригаде. Там, собственно, он, Ван

Ши-то, и был переименован в Ваню Шитова.

— Ты как же? Прямо из Запорожья сюда?

— Нет. В Аньшань сразу. Потом дали группу молодежи и на Урал. Бригадир я.

Уловив смысл беседы, шустрый Чен не преминул включиться в разговор:

— Ваня — моя бригадир. Работай — во!

Вечером на балконе гостиницы собрались все слушатели школы. Пришел и Семен Строгов. Опершись на перила, стояли и китайские молодые прокатчики. Смотрели на мерцающие огни вечернего города, вполголоса обмениваясь замечаниями. Легкий ветерок кудрявил облака, набрасывая прозрачное марево на золотые рога выходящего из-за горы молодого месяца.

Чуть слышно долетала песня: «За окном черемуха колыхается». Пробовали подтягивать, но дело не ладилось. Кто-то начал другую, но тоже разноречивой получилась.

— Ваня! Давай нашу, — махнув рукой, предложил Иван Михайлович.

Ван Ши-то откликнулся, глупо вздохнул и начал:

Повй, вйтре, на Вкрайну,

Де покинув я дйвчину...

Мягкий тенор чисто выводил нежную мелодию. Удачно вторил Петренко, подтягивал и Строгов, припоминая давно забытые слова. Подхватили песню остальные прокатчики. Без слов пели китайцы.

И грустная просьба к ветру принести весть о любимой зазвучала трогательно, просто, душевно и правдиво.

Мягко опускался, плыл вечер. Настроение было хорошее. Хотелось петь о счастье, дружбе, Родине. Кто-то начал. И полилась песня широкая и раздольная. Пели сибиряки, кавказцы, донбассцы, радостно подтягивали китайцы, уже освоившие слова припева:

Светлые края,
Родина моя,
Всюду у тебя друзья!

А. КОЛОМИЕЦ.

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

Кому попали путевки

Всем известно, что однодневный дом отдыха металлургов, расположенный на берегу Банного озера, не может принять сразу всех желающих побывать в нем. Это вполне понятно, так как природа в самом городе, нельзя сказать, чтобы была богата. А провести свой выходной день на берегу озера, полазать по горам, просто подышать свежим воздухом — законное желание многих металлургов.

Однако мест в доме отдыха меньше числа желающих побывать в нем. Поэтому, как становится обидно, когда некоторые работники цехов комбината, получив путевку в дом отдыха, сами не едут. По этим путевкам едут другие лица.

Вот, например, А. И. Попова, заведующая производством отдела рабочего снабжения. С 26 по 27 июня она получила путевку, которую она не имела права передавать другим лицам. Но тем не менее по путевке приезжал в дом отдыха даже не работник нашего комбината.

Точно так же поступил старший разлищик мартеновского цеха № 2 Б. А. Пустовалов. На путевке, которую он получил, директор дома отдыха написал, что по путевке приезжал товарищ, не работающий на комбинате. Отдала другому лицу свою путевку экспедитор центральной заводской лаборатории Л. И. Захарченко, по путевке бухгалтера коксохимического цеха т. Шумской ездила ее племянница.

Самым оригинальным оказался горновой доменного цеха т. Колунин. Путевку он получил честь честью. Но каково было удивление администрации дома отдыха, когда к ним приехала по этой путевке жена... приятеля т. Колунина.

Вывод напрашивается один: кто давал право этим товарищам брать путевки не для себя? Если сам не можешь или не хочешь поехать, дай возможность поехать другому работнику цеха. Так будет честнее и правильнее.

И. КОТОВСКИЙ,
член завкома.

К посетителям надо относиться чутко

Для системы охлаждения сада мне понадобились трубы. Я подал заявление по этому поводу заместителю директора комбината т. Богатыреву. Он расспросил, что и к чему, и наложил резолюцию, чтобы начальник УХХ т. Светлов выдал трубы из склада УХХ.

Но когда я явился к т. Светлову, то его секретарь встретила меня в штыхы.

— Нельзя. Занят. У начальника на приеме люди, — только и отвечала она, охраняя подходы к кабинету начальника.

Я не возражал, ждал, пока из кабинета т. Светлова не вышли посетители. Тогда зашел я. И только протянул к т. Светлову свое заявление с резолюцией т. Богатырева, как влетела секретарь, вырвала заявление и стала обзывать меня хамом. Кончилась же вся эта история тем, что т. Светлов даже и не выслушал моих объяснений и отказал в выдаче труб.

Считаю, что подобное поведение не к лицу работникам УХХ.

И. КЛИМЕНЧЕНКО,
мастер второго
мартеновского цеха.

И. о. редактора В. М. ШИБРЯ.